
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ДИСКУССИИ «РОССИЯ НЕ ЕВРОПА?»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ*

К сожалению, последний месяц живу на бегу. Поэтому ничего и не написал про Европу. Попытаюсь исправиться.

Нахожу, что в утверждениях «Украина — це Европа», «Беларусь — гэта Еуропа» немалая доля лицемерия. Ибо цели у говорящих есть политические, а аргументы — из истории или из культуры, традиций, мировоззрения. Если бы игра была честной, то говорилось бы: «гайда у Еуразвяз!» И тогда выяснилось бы, что значительная часть населения, а среди белорусов — так и прямое большинство этого не хочет. А европейцы тоже не рады нахлебникам. Вот и все.

*Юрий Клеванец,
г. Железногорск, Белоруссия.*

Уважаемые коллеги, редакция журнала «Приокские зори»!

Вы подняли важнейший вопрос современности, который волновал русских мыслителей более века тому назад. К сожалению, опасения Мережковского по поводу пришествия «Грядущего хама» стали явью и свершились в настоящее время не только в Европе, в Китае или в России, но и во всем современном мире, где сформировалась и уничтожает все, что ни есть живое на Земле, как всепожирающий молох, как ненасытная саранча — общество потребителей и материалистов.

Безусловно, крылатое выражение «гнилая интеллигенция» вполне соответствует современной элите, управляющей странами и народами. Поэтому вывод Мережковского о том, что интеллигенция, которая определяет путь развития Цивилизации, должна быть общественно-религиозной, является вполне справедливым. Это понимание исходит из самого существа Человека мысленного, с Челом — в ауре, в свете, как жителя неразрывного, единого пространства — Царства Небесного и Земного.

Исходя из современного состояния Человеческой Цивилизации на Земле, спасти человечество от неминуемой гибели, мировой войны, к чему ведет утробное сознание и инстинкты земного «мещанства» (по Мережковскому), способна только Русь-Россия.

Эти мысли возникли и стали моим убеждением со времени «перестройки» и возникновения «демократического государства» в России на рубеже тысячелетий. Кое-что я записал для себя «в стол» — для памяти. Но мне показалось, что эти мысли не утратили своей актуальности по прошествии многих лет и согласуются с позицией Мережковского.

Сейчас уже менее важно то, как это случилось, а важнее всего то, как жить дальше и как преодолеть глубочайший цивилизационный кризис. По этой причине посы-

* Первоначально тема дискуссии была объявлена как «Россия не Европа, а Белоруссия?» Но многочисленные белорусские авторы «Приокских зорь» (может быть, благоразумно?..) промолчали. В какой-то мере за них это сделали авторы из России — см. дальше материалы «урезанной» дискуссии...

лаю на Ваш суд три* свои статьи к теме «Грядущий хам». Вам же решать, стоят ли они того, чтобы быть опубликованными в журнале «Приокские зори».

С уважением, И. И. Тимченко.

О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ И РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Происхождение Русского Человека — явление планетарное, Божественное, и никак не связано с известной гипотезой западных ученых о происхождении человека от обезьяноподобного предка. Имеются разные толкования определения Русский, Россия, но наиболее точным представляется определение А. В. Трехлебова (2004 г.): «рос» — означает рост, увеличение; «сия» — сияние, свет, светость; то есть Россия есть сила, увеличивающая светость. Более чем понятно на русском языке определение Человек (Чело — век): Чело — в эке — в ауре, в свете, имеющий светлый шар (нимб) вокруг головы, с которым изображаются на иконах Богоносцы. Белокожее население Земли (белое, светлое) получило название «Раса», от которого произошло английское название русских людей и России — «Russia» (Раша). По утверждению автора, представители Расы первыми заселили нашу планету около 1,5 млрд. лет назад, прибыв с других Земель (планет), находящихся в созвездиях Малой и Большой Медведиц, Льва, Лебедя и Кассиопеи. Представители Расы отличаются друг от друга цветом радужной оболочки глаз, который зависит от спектра света их родовых солнц: сереброглазые (сероглазые) — Да'Арийцы, зеленоглазые — Х'Арийцы, синеглазые — Светорусы, огненноглазые (к' Ариглазые) — Рассены. Да'Арийцы имеют качества предводителей-воинов, Х'Арийцы обладают качествами ведунов-священнослужителей, Светорусы — ремесленников, специалистов, Рассены — успешны в налаживании коммуникаций и организации сервиса.

В соответствии с планетарной природой наших предков, говоривших словом и просла(о)влением (слово, славить) своих Богов, *за Русскими закрепилось определение — Славяно-Арии*, а северные территории Земли, которые они заселили, получили названия Даария и Арктида, а в современности — Арктика. В дальнейшем, по согласию с Ариями Расы, на определенной территории Земли произошло заселение союзников Расы, людей с цветом восходящего солнца, желтокожих людей (китайцы, японцы и др.), с цветом заходящего солнца, краснокожих людей (инки, майя, ацтеки, североамериканские индейцы, русские северные народы и др.), а также побежденных негроидных народов, планеты которых были разрушены. Вслед за первыми поселенцами на Землю проникли, размножились, ассимилировались паразитические, серые, тварные (т.е. не Богом сотворенные) сущности, не совместимые с природой землян, что привело к смешению народов, потери ими первородного качества и общей дестабилизации в природе и в обществе.

За долгий период Земной Цивилизации произошло немало природных и социальных катаклизмов, которые приводили к гибели целых материков, коренному изменению природы, народов, социальной и культурной среды. Это же относится и к Славянам-Ариям, которые вынуждены были уходить на новые места, пригодные для проживания, и оставили на обширнейшей территории Земли изначальные памятники своей письменности, культуры и примеры воспроизводства своего генофонда. Практически, *во всех народах Европы и Азии есть изначальная частичка Славяно-Арийской крови*. Когда-то все славяно-арийские народы говорили на одном языке, но

* Редакция приносит свои извинения автору: присланный им обширный материал не соответствует формату нашего журнала, поэтому публикуем только одну статью, на наш взгляд, наиболее актуальную.

рассредоточившись на большом пространстве, сохранили свою языковую общность только в корнях слов, у многочисленных обособившихся родов. По этой причине многие древние памятники письменности, которые находят археологи в разных частях света, можно воспроизвести только с помощью русской грамоты. Места кочевий и стоянок (стан) Славяно-Ариев дали названия многим современным странам, например, Казак-стан (от слова казаки), Узбеки-стан, Туркмени-стан, Афгани-стан, Паки-стан, Индо-стан, Палестина (паленый стан), не говоря уже о названии рек, морей, народов.

По свидетельству Мавро Орбини (1606), М. В. Ломоносова (1766), Е. И. Классена (1854) и других ученых, славянский народ владел Азией и Африкой, покорил Грецию, Македонию, державу Римскую, завладел Моравией, Чешскую, Польскую, Шленскую землями, берегами моря Балтийского. От Славянского народа в прошедших временах произошли сильнейшие народы: Славяне, Вандалы, Бургонтионы (Бургундцы во Франции), Готы, Руси или Раси, Даки, Шведы, Норманны, Тенны или Финны, Фраки и многие другие, которые были словенскими народами. В связи с этим М. В. Ломоносов отмечал, что когда вместе с великой Россией представить еще Польшу, Богемию, Вендов, Моравию, Болгарию, Сербию, Долмацию, Македонию, другие славянские земли по Дунаю, Курляндцев, Жмудь, Литву, остатки старых Пруссов, маклебургских Вендов вокруг Варяжского моря, наконец, покоренные славяно-русским народом царства и владения на Востоке, большой половине Европы и большой части Азии, то можно видеть, *«какое множество и могущество славянский народ имеет»*. По этой причине особо знаменателен вывод Е. И. Классена: *«Чтобы найти несомненные следы Славян во всеобщей истории, надлежит выкинуть из нее все изуродованные прозвища народов и употребить вместо них одно всем им общее племенное название»*.

Светлый и нравственный образ русского человека, благодатный русский край вызывал подлинное удивление и восхищение чужеземцев во время путешествия Антиохийского Патриарха Макария в Москву в XVII веке, со словами: *«Да будет благословен их Бог!»* Из описания этого путешествия Павлом Алеппским свидетельствует, что места в земле Русских изобиловали всякими благами, обильны жителями, в особенности маленькими детьми, которые все умеют читать, даже сироты. Каждый город имеет до 40, 50 и более тысяч душ. В доме каждого человека по десяти и более детей с белыми волосами на голове. В стране Русских нет ни одной бесплодной женщины. Женщины московитов красивы лицом, очень миловидны, нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов. *В земле казаков и московитов вообще не встречалось людей, пораженных уродством, телесными недостатками* или слепотой, расслабленных, прокаженных или иных больных, а у чужеземцев, во время этого путешествия, волосы на голове, которые были жестки, стали очень нежными, как андарийский шелк. Русским людям, до насильственного «внедрения» Петром I в русский уклад жизни «культуры западной цивилизации», вообще были чужды такие пороки как пьянство, разврат и курение.

Базовые особенности Русского Человека, в общих чертах, выражаются в следующем (С. А. Алексеев, 2008):

1. **Русская культура (одухотворение)** — самостоятельная, независимо существующая цивилизация, сложившаяся на принципах Духотворения, то есть, способа познания мира, Мироззрения (вера) и Искусства (творчество). Культуру, как цивилизацию, определяет духовно-волевой потенциал русского человека, этническое пространство, неизменность, особенности этнопсихологии, способность к противостоянию чуждым культурам.

2. **Образ мышления и манера поведения**, которые определяются, прежде всего, языком, культурой, генетической принадлежностью к этносу, в связи с чем русские

люди не могут быть космополитами, их отличает повышенная чувственное мышление (поэтичность), стыд и совесть, терпение, высокородная, непроизвольная гордость и честь, чувство справедливости, вольнолюбие, широта души, стремление к неформальному лидерству, как далеких потомков этноэлиты.

3. Способность к личностной и групповой (этнической) самоорганизации, в основе которой находится как личностный духовно-волевой потенциал, иерархия, так и круговая порука, поручительство каждого за каждого, отсутствие всякой иерархии, что особенно проявляется при самоорганизации казачества (*то есть, русский народ вариативен, И. Т.*).

4. Отсутствие национального эгоизма, открытость, самопожертвование, ответственность за судьбу братских народов, общинный принцип жизни, что обуславливает стремление к самоорганизации социального (социалистического) образа жизни.

Русский Человек изначально стремился взрастить свое светлое Дивье Тело (душу, информационно-энергетическое поле) посредством приобретения земного опыта, чтобы иметь возможность возвратиться в свои вечные миры, по примеру своих светоносных предков и ныне живущих светоносных современников. Подобное явление (по свидетельству автора) произошло, например, в начале октября 2000 года, сразу после отпевания Схиархимандрита Алексия в Храме в городе Голицыно Московской области, когда в ясный солнечный день в небе появилось второе Солнце, которое не слепило глаза. Постепенно второе Солнце уменьшилось в размере и маленьким светлячком стало уходить в сторону и вверх, вначале медленно, затем сильно ускорилось, блеснуло и мгновенно исчезло в небесном пространстве. Это явление в тот день и в тот час наблюдали многие и в других местах. Все, кто знал покойного, его прижизненную святость, нисколько не сомневались в том, что таким образом его информационно-энергетическое поле, его любвеобильная душа простилась с земными сородичами, озарив всех Светом своей энергии, затем сконцентрировалась в точке и отлетела в безмерное космическое пространство. Так всем — грешным, сирым, мятущимся, был показан Свет «в конце туннеля», пример того, как Человек способен светить, а не смердить, если он славно потрудился на Земле во имя Света своей души.

Для выполнения своего Божественного предназначения (родится на Земле, обрести творческий и духовный опыт для дальнейшей вечной жизни в Светлых Божьих мирах) Русскому Духовному Человеку необходимо крепкое, нравственное государство, которое было бы способно защитить ареал его существования от разрушения бездуховными, паразитическими силами темных миров. *Граница Русского Государства обозначена аурой Русского Человека в пространстве: Чело окружено Северным сиянием, становой хребет составляют Уральские горы, руки распростерты от Востока Азии до Запада Европы, а ноги крепко упираются в южный горный хребет, простирающийся от Альпийских гор до Тихого океана.* Именно, определение правильного положения Человека, когда «голова должна находиться в холоде (в спокойном разуме), а ноги — «в тепле» соответствует образу Русского Человека в этом пространстве. Строение и назначение отдельных частей Русского Человека и пространства государства составляют единое, неразрывное идентичное целое (центральные, краевые и внешние части). По этой причине Русский Человек, как отдельный индивидуум, никогда даже не побывавший в далеких уголках своей Родины, всегда чувствует свою сопричастность с ее огромными просторами, что определяет его русскость и наличие Русского Духа. В то же время, государство Русь может существовать и развиваться только в том случае, когда Человек и государственное пространство будут находиться в системном равновесии и дополнять свою идентичность. По этой причине удержание обозначенных границ Русского Государства является не прихотью или проявлением агрессии, а естественным стремлением к сохранению ареала существования Русского Человека в его сакральном пространстве.

Русский Человек не может нормально существовать и развиваться в осколочном, морально и нравственно ущербном типе государства — демократическо-демоническом, потребительском, материалистическом, атеистическом или с другими «измами», навязываему России западной материалистической цивилизацией.

* * *

Государство Россия с ее необъятными просторами, разнообразными природно-климатическими зонами, многочисленными народами, может сохраниться как единое целое, только сплотившись вокруг государство образующего русского народа. Отмечено, что с выходом более мелких этносов из Славянской общности, как правило, между ними усиливаются противоречия, которые перерастают в военные конфликты. К сожалению, в настоящий момент русский народ сам терпит бедствие, рассеян в пространстве и в чужеродной культуре. В огромной степени разделению русского народа способствовала внешняя экспансия явных и тайных сил на протяжении многих столетий. Рупор «перестройки» Мира — Маркс проговорился о том, что только революция может разрушить русский колосс. Под «русским колоссом» он имел в виду Славянскую Цивилизацию, которая, по его мнению, мешает западной культуре «как солнцу обойти Земной шар». Апологет глобализации, конечно, не мог заставить Солнечную систему вращаться в другую сторону. Однако, экспортировать в Россию революцию, чужой стиль, чужую культуру, чужие деньги, компрадорскую власть — «эти ребята» таки сумели.

В результате разрушительного влияния компрадорских сил только в течение последнего, двадцатого века русский народ испытал на себе различные формы государственного устройства.

Российская Империя была наследственной монархией во главе с императором, обладавшим самодержавной властью, унитарным правительством, единым экономическим пространством, единым административным делением, в котором действовали единые Законы Российской Империи. Включение новейших территорий в унитарную систему России происходило с учетом особенностей их вхождения. Население России (Подданные Российской Империи) делились на 4 сословия («состояния»): дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Местное население Казахстана, Сибири и ряда других районов выделялось в самостоятельное «состояние» (Иногородцы). На территории России проживало свыше 100 народов (57 % населения составляли нерусские народы), имеющих свободу вероисповедания и главенствующую религию, какой являлось Православное Христианство. Права собственности на землю и основные средства производства принадлежали государству, общинам и частным владельцам. *Российская Империя дала миру высокие образцы культурной цивилизации, содружества народов и экономического развития.*

Однако, система абсолютной монархической наследственной власти не выдержала испытания временем. Страна вступила в бурный период ускоренной капитализации, и правящая элита под предлогом предоставления русской нации европейских прав и свобод поощряла инакомыслие, революционные настроения, оболванила народ и предала своего монарха. Произошла чудовищная эрозия властной элиты, разрыв между аристократами власти и низшими слоями населения, который и привел к развалу Империи в результате буржуазной и пролетарской революций, и гражданской войны.

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) состоял из равноправных национальных республик, имеющих право выхода из Союза. Количество рус-

ских составляло 50,7 % от общего населения. По своей сути СССР являлся унитарным государством с единым экономическим пространством, едиными законами под руководством единой политической силы — Коммунистической Партии Советского Союза. Союз представлял общенародное социалистическое государство, с общенародной социалистической собственностью, выражающее интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны, являющихся гражданами СССР, которые осуществляли государственную власть через Советы народных депутатов. Коммунистическая идеология основывалась на материализме, атеизме и отрицании Божественного происхождения Человека. *Привлечение широких слоев населения в СССР — к образованию, науке, культуре, творчеству, управлению государством, вызвало небывалый скачок пассионарности русского народа и созданию могучего государства.*

Постепенно верховенство низших слоев населения (пролетариев) над аристократами духа и чести по принципу «из грязи в князи», в условиях официального отрицания религиозной морали, привело к перерождению управленцев в мелких буржуа и окончательному развалу государства, когда «рыба начала гнить с головы». Западнические, диссидентские настроения советской элиты с ее «демократизацией» и «эмансипацией» привели к снижению производства внутри страны, свертыванию программы национального саморазвития, росту потребления за счет рынка западных стран и внешней зависимости, окончательно раскачали духовно-интеллектуальные цели и патриотические устои могучего государства, а власть предала свой народ и свою Родину.

Российская Федерация (Россия) является Президентской республикой, где ответственность между Президентом и Правительством за состояние дел в стране четко не разграничены. Россия имеет единое экономическое и правовое пространство с наличием русского населения около 80 %. Властные органы России формируются путем всеобщих выборов, при наличии многопартийной демократической политической системы и, фактически, неподконтрольны избирателям. В определенной степени Российская Федерация унаследовала примеры демократического устройства иностранных государств, с особенностями Советской системы, на фоне чрезвычайно слабого государственного управления и устройства, имеет двойственное определение (Российская Федерация или Россия), состоит из республик и областей, так называемых субъектов Федерации, не имеющих самостоятельного государственного статуса.

Примеры существования Русской Цивилизации и государственности свидетельствуют о том, что попрание национальных интересов и основ государства в угоду мировому капиталистическому, глобальному устройству, ведет всегда к гибели Русского Государства. Любая власть не может быть прочной и долговечной, если форма власти не соответствует внутреннему (духовному) содержанию и устремлению русского народа, объединенного в Государство на основе общенациональных, культурных и мировоззренческих приоритетов.

Русскому народу необходима такая форма государственности, которая позволила бы ему возвратиться к истокам своего Славяно-Арийского происхождения, сохранить Русскую Цивилизацию как уникальную Светлую Расу, изначально возникшую на Земле. По отношению к России, наиболее перманентным определением ее существования в постоянно изменяющемся мире является определение Русь: Раса, Расселения, Рус, Рос, Русич, Русский, Русь-Киевская, Московская, Белая, Великороссия, Малороссия, Святая Русь и много других исторических и современных ассоциаций на территории жизненного пространства русского народа связаны с понятием Русь. В представлении наших соотечественников и народов мира, *Русь — это изначальное образование «откуда есть и пошла земля Русская».*

В современных условиях Русь является наиболее индифферентным понятием в ситуации постоянного передела границ, возникновения новых государственных образований, военно-экономических союзов, так как не содержит в своем названии призыв или претензию на соучастие в безнравственной и хищнической практике корпоративного капитала по завоеванию мирового господства. В то же время, как бы возвышаясь над мирской суетой, Русь остается вечным, неизменным ориентиром на пути возвращения общества к истокам своего Божественного происхождения.

Русское Государство (Русь) может возникнуть как Самодержавная Монархия в содружестве славянских народов и ассимилированных на своих территориях других народов, с единой системой законодательства, безопасности, экономического пространства и Духовного мировоззрения. Самодержавная Монархия извлечет ошибки прежних государственных образований и будет основываться на подлинном Самодержавии Русского Народа (сам себя держит) во главе с непререкаемым авторитетом — Самодержавным Монархом, олицетворением Светской духовной этики, который вершит нравственно-духовное право в соответствии с единым сознанием и пониманием Государем и Народом Законов Всевышнего, а, значит, на добровольном подчинении Граждан Самодержавному Монарху и взаимной ответственности Граждан и Власти перед Законами Всевышнего.

При этом вертикаль власти является очень прямой и эффективной: Всевышний — Монарх (Помазанник Божий), олицетворение светской духовной этики, — Народ, подданный Царю Земному и Небесному. Горизонталь же власти приобретает необъятное творческое развитие и расширение, основываясь на принципе «народ сам себя держит», когда *роль регионов в хозяйственной и общественной деятельности постоянно возрастает, а роль метрополий — снижается*. То есть, создается мощный, расширенный фундамент для упрочения вертикали власти из саморазвивающихся, саморегулирующихся общественно-хозяйственных региональных систем во взаимодействии друг с другом и властными структурами.

Только в единстве Веры, Царя и Отечества Русский Народ может сохранить свою родовую идентичность, нацию, Расу и Духовную Цивилизацию. Дорога к Храму — Государству Русь, предстоит долгой и трудной. Русскому народу предстоит взрастить свое Светье тело на пути восхождения — от низших до высших проявлений человеческой личности, рождения аристократов духа и чести, которые явят на суд Мирской и Божий Самодержавного Монарха. Самодержавная Русь произрастет из сочетания исторического, географического и нравственно-духовного содержания русского народа, как наиболее типичный и наиболее востребованный вид государственности, передаваемый из поколения в поколение русским народом по эпохам времени.

Самодержавная Русь неизбежно перерастет в Мировдержавную Русь, учитывая безграничный потенциал развития Русской Цивилизации (народ-Богоносец). Русь будет округляться вокруг Северного полюса за счет арктических, северных территорий Земли и своих южных границ, упирающихся в геосинклинальный пояс из горных складчатых сооружений, простирающихся от Альпийских гор до Тихого океана. Этому будет способствовать также потепление в северных широтах, связанное с изменением климата на Земле. *«Вращаясь, все приходит к Жизни, над нами и Природой правит Круг»*. Русский Круг, обозначенный в древних русских рунах, это тот оберег Жизни, который Создатель водрузил на Земную главу. Постепенно Русский Круг будет наполняться Духовной Светоносной энергией Русской Цивилизации. Лучи-меридианы Светоносной энергии будут простирались во все уголки Земли, где *«Русский Дух... и, — Русью пахнет»*. Образуется светоносная ткань тонкой энергии, которая станет проводником для передачи и принятия правдивой информации без применения технических средств. Появится возможность свободного общения и восприятия Мира с

помощью объемной многомерной Русской Грамоты, которая была дана землянам со дня Сотворения Мира и является информационной матрицей о предметах и явлениях, голограммой букв и слов, отображаемых в космическом пространстве.

Наряду с физическими границами Русское Государство станет иметь безграничное Духовное пространство.

*Иван Тимченко,
член союза писателей России,
Академии российской литературы
и Международной Академии духовного
единства народов мира, г. Москва.*

ВОПРОС ИНТЕРЕСНЫЙ...

Россия, она, вестимо, не Европа. Для иных и Европа может быть, да не совсем. А ведь есть и утверждающие совсем обратное, дескать, наша Отчизна — самая, что ни на есть, европейская страна, и все тут. Посему без преамбулы никак не обойтись. И ко второй части вопроса, о принадлежности или непринадлежности к Старому Свету братской нам Белоруссии, не подступиться. А ведь для России это большая тема, насквозь больная. И то правда, второе тысячелетие споры не утихают. И словом, и, пуще оного, делом, порой «вероломно и кроваво» пытались разрешить предки наши распрю по поводу отношения Отчизны к извечному западному соседу, к Европе, сиречь романно-германской цивилизации. Давайте сразу условимся, что именно она и называется европейской, бывшей католико-протестантской, ныне откровенно либеральной. И ведь столь заманчивой оказалась идея пресловутого «западничества», что корнями уходит в дохристианскую нашу историю, и ведет свое начало от легендарного Гостомысла или целой группы таких «гостомыслов», инициаторов призвания варягов на Русь, а именно, Рюрика в Новгород, где тот сломил сопротивление местных патриотов во главе с Вадимом Храбрым и сел княжить. Ну, а далее «пристегнуть» Родину к европейскому обозу пытались уже более внятные, если угодно, в историческом смысле деятели: Святополк I, который Окаянный, некоторым образом Ярослав Мудрый, открыто, но в целом безуспешно, искавший союза с Западом путем совершения династических браков своих дочерей с владыками некоторых европейских государств, затем Изяслав Ярославич и сын его Святополк II, по заказу коего и начертал Нестор свои «Повести временных лет», прекрасное художественное произведение, практически ничего общего не имевшее с исторической действительностью. Однако же именно этот документ лег во главу угла написанных в просвещенных XVIII и XIX веках «историй государства Российского» и прочих исторических трудов. И кем написанных! Татищев. Карамзин, Соловьев, Ключевский, какие имена! Гордость нашей историографии! Отцы! Основатели! Ну, что же, все логично. И никакой вины за этими славными нашими учеными нет и быть не может. Не они начали.

Скажите спасибо государю Петру Алексеевичу Великому, своими реформами не только поднявшему Россию на новый цивилизационный уровень, но и явившемуся создателем глобальной мифологемы об извечной нашей отсталости и дремучести, основным признаком которых изначально явились почему-то бороды, прически и одежда. (Справедливости ради надо заметить, что в допетровской Руси XVII века при монаршем дворе превалировала мода на польскую одежду и язык — наследие ошутимо долгого присутствия поляков в пределах нашего Отечества в период Смутного времени). Конечно, начавшись с «потешного» уровня, претензии к русской старине обрели очень серьезный и глобальный характер, и прежде всего коснулись правосла-

вия, потерявшего патриархат. Многочисленным же «птенцам гнезда Петрова», прошедшим в массе своей действительно хорошее обучение в той же Голландии, ничего не оставалось кроме, как поддерживать и развивать эту мифологию, ибо каждый болел и поныне болеет за свою команду. Замечу только, что тому же кораблестроению можно было с не меньшим успехом, но с гораздо меньшими затратами поучиться и в России, было где и у кого. Ну, о причинах столь ярко выраженного «западничества» великого реформатора можно говорить долго, однако корень их нужно искать в детстве и юности царя, в пережитом кровавом ужасе бесчинств стрелецких бунтов, боярских интриг, почти открытой вражды со старшей сестрой. От всего этого юный царевич искал спасения в Немецкой слободе, где он нашел таких своих искренних друзей, как Франц Лефорт, вот вам и альтернатива жутким реалиям русской старины, очередного смутного времени, уютная, рациональная, аккуратная с виду европейская жизнь. Однако опять-таки не могу не оговориться, что иные «кукуйские европейцы», кроме Лефорта, искали приязни юного царевича все-таки с дальним прицелом на реализацию своих деловых планов. Но внешне молодому Петру Алексеевичу было с «немцами» вполне комфортно, их налаженный быт мог очаровывать даже в отсутствие щедрости и широты, поэтому и поездка в Европу столь впечатлила царя, особенно же по нраву ему пришлось протестантская Голландия, где «Питер — плотник сардамский» постигал науку кораблестроения. Впрочем фаворита царевны Софьи, князя Васислия Васильевича Голицына имперская Австрия, тогда Священная Римская империя германской нации, очаровала не меньше. *«И то, и другое не принесло ничего хорошего. Голицын, служа Австрии, был разбит на Перекопе, а Петр, будучи союзником протестантской Саксонии, потерпел поражение под Нарвой, из-за чего война затянулась вместо 2—3 лет на 21 год»* (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 243).

И о цене всего свершенного Петром Великим можно в нашем случае лишь вскользь упомянуть. В том смысле, что жутчайшая и тяжелейшая это цена, поскольку к концу царствования великого реформатора Россия, уже конечно имперская, была практически лишена человеческих ресурсов, попросту обескровлена, народ открыто бедствовал, служилое дворянство, лишенное возможности обихаживать полученные в награду земельные наделы, хирело и роптало, казна была пуста, и финансовая система империи трещала по швам, казнокрадство и взяточничество стали нормой жизни и для высших сановников, и для всякого рода чинуш рангом куда ниже. Прошу понять меня правильно, я не хочу огульно очернять славного нашего монарха и его деяния, их результат неоспорим и действительно велик, просто есть у меня твердая уверенность, что враждебная Петру старобоярская партия состояла отнюдь не из сплошь ретроградов и мракобесов, и патриотов Отечества в ней было не меньше, чем в Петровской когорте, вспомните, например, князей Дмитрия Голицына и Василия Владимировича Долгорукого, того самого, завоевавшего с Низовым корпусом Гилян и произведенного Петром в генерал-фельдмаршалы. Политику Петра I на начальном этапе царствования дальновидной назвать никак нельзя, ибо в своем абсолютно верном и необходимом для России стремлении закрепиться на Балтике он стал участником войны за саксонское и польское «наследство» и сам позже признавал, что в Северной войне «просидел школяром три срока», то есть двадцать один год, вплоть до Нейштадского мира.

Нет, была программа и виденье развития страны у противников «хирургических» реформ, их беда в том, что сословные распри, извечная боярская усобица, не дали возможности совершить что-либо внятное и полезное на государственной ниве и привели в итоге к восшествию на престол «царицы престопадного зраку» Анны Иоанновны, и к очередному, наглому и беспрецедентному «немецкому» засилью, по-

следствия которого сказывались уже в последующее царствование Елизаветы Петровны. Одному Ломоносову, хоть это и частность, сколько крови попортили иностранные академики, зачастую просто паразитирующие на российских хлебах и никакого следа в науке не оставившие? И результат для российского общества имел негатива не меньше, чем пользы, хоть и следует признать, что этнокультурный контакт состоялся и инкорпорированные в великоросский суперэтнос «свободные атомы» из романно-германского в итоге ассимилировались на русской территории в немалом количестве и продолжили, как и их потомки, служить новой Родине честно и свято, удостоившись благодарности современников и оставив о себе светлую память в будущих поколениях. Однако же манера хаять собственное, коренное, исконно русское и нахваливать огульно изысканный европейский «штиль» накрепко засела в головах довольно значительной части нашего дворянства, а позже так называемой интеллигенции, куда вошли и представители разночинцев, и тут, как любил говаривать Л. Н. Гумилев, началось... Любые неудачи, неполадки, огрехи, от случившихся в частной жизни до глобальных, в масштабе державы, принято было объяснять врожденной нашей неповоротливостью, отсталостью, скудоумием и ленью. Вдумайтесь, трудолюбивейшую и талантливую нашу нацию с многовековой историей, религией, архитектурой, литературой — да-да, славистика не столь уж малообъемна, со вполне сформировавшейся самобытной культурой, объявили нацией неучей, лентяев, лежебоков и пьяниц! И призывали равняться на европейцев, якобы безусловно, априори, просвещенных и передовых. А тут и «Повести временных лет» очень к месту пришли: вот оно, старец Нестор свидетельствует, как наши пращурь не могли сами землями вверенными править и призывали от «неталанности» варягов на княжение. Ну, теперь все понятно. А ведь летопись создавалась автором через 200 лет после описываемых событий и содержит она не только факты, сомнительно трактуемые кстати, но и дидактические новеллы, то есть попросту притчи и побасенки. Но как удобно этим документом пользоваться!

Только в основе нашего родимого доморощенного «западничества» с самого начала гнездились одно коренное противоречие: а как прикажете быть с православием? Ведь истари для наших европейских соседей мы являлись схизматиками, куда хуже язычников, и подлежали если не истреблению, то уж существованию в качестве рабов или людей второго сорта. Не было страшнее врага у католической церкви, чем православная Москва, третий Рим, не желавший припасть к папскому престолу. Вот на этом наше западничество и ломалось. И злobiliсь, и ярилось еще пуще, и слюной брызгало, и в огульной клевете и кликушестве привыкло вдобавок во всех преступлениях и бедах винить очередного самодержца, а все же не смогло природу русской души и русский православный корень извести. И сами приверженцы европоцентризма оказывались на распутье: либо переходил в католичество — лютеранство, либо скатывался в оголтелый атеизм. И то, и другое на российской почве популярностью не пользовалось и успеха не имело, напротив, к «иноверцам» такого рода отношение было более чем настороженное. Архаизм? Пусть так, не всякая архаика — зло. Но охаивание всего родного, народного, отечественного отнюдь не прекратилось. Напротив, продолжилось с куда большей ненавистью. Чаадаев обмолвился в «Философских письмах», дескать, живет страна наша только для того, чтобы время от времени преподавать остальным странам очередной страшный урок. Фраза эффектная, согласен, но и только. О каких «уроках» толковал сей мыслитель? Разве на Западе таковых было меньше? Ничего похожего, больше и страшнее.

Спотыкались в фактологии наши «цивилизаторы», и даже условное поражение в Крымской войне не имело решающего значения для торжества психологии западников, хоть и положило начало формированию традиции радоваться неудачам и траге-

диям собственной страны, чем с удовольствием занимались и либералы в Российской империи, и продолжают нынешние, современного розлива. А главное, европоцентризм не имел никакого успеха в народе. Менталитет нам не позволял воспринять этнопсихологию европейских наций, издревле страдавших от дефицита вмещающих ландшафтов, за сии земли кроваво воевавших, истреблявших без счета соседей и даже сограждан, а позже варварски, жесточайше, колонизировавших «заморские» территории в Африке, Азии, обеих Америках. Смешно сказать, оплот демократии — США, на деле — государство, состоявшееся на ксенофобии и геноциде, на неприкрытом бандитизме и финансовых аферах. Вековой территориальный голод европейцев, унаследовавших от дышавшего на ладан Pax Romana иллюзию культурного лидерства, гнал их вперед, «оцивилизовывать» новые земли, навязывать всем подряд свою веру, свой образ жизни, в качестве единственного правильного и безальтернативного, точнее, имевшего альтернативой неминуемое истребление несогласных. Вспомните Освальда Шпенглера, абсолютно точно выразившегося в «Закате Европы»: *«Русскому мышлению столь же чужды категории западного мышления, как последнему — категории китайского или русского... Насильственное навязывание своего образа жизни и мысли другим — отличительная черта романно-германского менталитета»* (О. Шпенглер, «Закат Европы», 1918 г.). Ничего подобного в русском менталитете издревле не присутствовало. Слава Господу, земли у нас хватало, а новыми территориями прирастало государство российское не огнем и мечом, а путем сосуществования на вполне взаимовыгодных условиях. Причем, малым народам той же Сибири было вполне комфортно бытовать подданными русского царя, платя ему умеренную дань и пользуясь его же защитой от внешних посягательств. К тому же довольно распространенные на границах ареалов смешанные браки давали возможность не просто породниться, но и создавать прекрасные условия для гармоничного симбиоза, без исступленного взаимоистребления и кровопролития как такового. Вспомним, что государь-император Николай Александрович своим указом запретил торговлю алкоголем в регионах Крайнего Севера и Сибири, где обитали малые народы и народности дабы не спаивать аборигенов. И не забудем, где родилась мифология, будто имперская Россия состоялась на завоеваниях. Ох, как любят эту лживую сказку «наши европейские партнеры». И если бы только они, одна моя знакомая, русская женщина, проживающая ныне в стране тысячи озер, однажды в разговоре вполне искренне пыталась доказать мне то же самое. Я не отрицаю целиком полезный «европейский» опыт в чем бы то ни было, ни в коем случае, учиться друг у друга, вдумчиво и конструктивно, просто необходимо. Нам и сегодня, наверняка, есть чему поучиться у той же Европы, в плане бизнеса, например. Но, господа мои, перенимая любые знания, необходимо учитывать наши российские реалии. Одни масштабы державы чего стоят! Со всеми, так сказать, вытекающими. Учеба — процесс сугубо творческий, а вот механическое пересаживание европейских новаций на российскую почву практически никогда не приносило желаемых плодов, принимая зачастую уродливые формы. Пример — русский парламентаризм начала XX века. Ничего дельного Государственная Дума для государства и народа не совершила, попадая в думскую атмосферу люди будто теряли разум, включаясь в мелочную фракционную грызню, злобную клоунаду травли правительства, в расшатывание устоев русской монархии, что в конце концов и привело к катастрофам двух последовательных переворотов 1917-го года. Смешно, да нет, с горечью и негодованием приходится констатировать, что в стенах Таврического дворца даже такие идейные монархисты, как В. В. Шульгин или М. В. Родзянко становились противниками царствующего монарха, всю способствуя либеральной камарилье всяческих там Милюковых — Гучковых предательски обрушивать в пропасть свою Родину. А кроме того — беззащитно-

вое лоббирование интересов крупного частного капитала в ущерб государственным интересам, грязные сплетни в адрес царской семьи... А ведь государь — император Николай Александрович не стремился третировать и преследовать думских либералов за их изменническую позицию. Почитайте внимательно биографию того же господина Миллюкова... Только вот в самой Думе никакой демократией и не пахло, ма-сонские шашни и открытая измена — вот чем обернулся на нашей почве институт европейской «вольности»... И не стоит сравнивать нынешнее Федеральное собрание России и Думу начала века. Еще неизвестно, к чему бы мы пришли, имей в наши дни вместо президентской, парламентскую республику.

Да и масштабы российские тоже значили немало. Европейцу, зажатому меж соседями, близость коих он ощущал локтями и обонянием, никак было не понять того же русского крестьянина, способного, при усилении сословного гнета или иной угрозе его благополучию, бросить насиженные места, оставить все хозяйство как есть, и, погрузив на телеги самое необходимое, уйти с семьей в места отдаленные, неизведанные, чтобы там начать заново отстраиваться и обживать на вольных хлебах. Место было, понимаете, а свобода, она дороже всего, скарб же, дом и прочее — дело наживное, руки есть, головой Господь не обидел, значит выживем и вновь встанем на ноги, и очень скоро. Вот так, а не «русские работать разучились». Впрочем, вполне закономерно, что у западников и народившихся от них либералов всегда были противники, вначале славянофилы, затем теоретики и приверженцы евразийства. И достигнуть согласия между собой никто не только не хотел, но и не мог в принципе. Возможно я тенденциозен в своей аргументации, однако по-иному и быть не могло, ибо целиком и полностью разделяю гениальное мнение Ф. М. Достоевского, лучше всех в России загадавшего природу русского западничества и либерализма: *«Русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал... русский либерализм... есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи... Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать»* (Ф. М. Достоевский, *«Идиот»*). Взгляните на нынешних оголтелых российских либералов, ведь абсолютно точная им характеристика! Слава Богу, они в таком меньшинстве, что только душа может радоваться. Но стремление уничтожить свою Родину на корню от такого меньшинства проявляется у них с каждым днем все сильнее и отчетливее. Теория же евразийства по сути вполне логична и во многом очень стройно обоснована именно для нашей страны. Как, пожалуй, для никакой другой. Этнопсихология русского человека слишком уж разнилась с европейской издревле, а сегодня — тем более. Не зря изрек Велимир Хлебников еще в 1912 году: *«Я знаю ум материка, несколько не похожий на ум островитян. Сын гордой Азии не мирится с полуостровным рассудком европейцев»*. И то сказать, ну, попросту глупо отрицать во многом определяющее влияние Азии, ее народов, религий, культуры на великоросский этнос. Один симбиоз с татаро-монголами чего стоит! А вот великий поэт Александр Блок в «Скифах» допустил коренную ошибку, утвердив, что «...Мы, как послушные холопы, держали щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы». Ничуть не бывало и быть не могло. Никогда на Руси не думали выступать в качестве заступников за своих западных соседей, избравших девизом «Drangnah Osten». Хороши соседи, только и думающие, как бы стереть с лица земли ненавистных славянских дикарей. Оттого-то и родилось сосуществование с татаро-монголами, что и те русские князья, коих отличала политическая дальновидность, а только не родовая спесь, и владельцы улуса Джучиева остро нуждались друг в друге. И не зря, ох, не зря. А совершенно правильно не дал Александр Ярославич Невский «погулеванить» своему брату Андрею, поднявшему безнадежное и бессмысленное восстание против ордынцев в 1252 году. Александр Невский лелеял мысль собрать сначала воедино

земли русские, да сберечь православную веру, а не лить народную кровь попусту, по княжескому хотению. И напротив, тот же незаслуженно прославленный нашими историческими романистами Даниил Галицкий, ничем выдающимся на государственной стезе не отличившийся (кроме, разве что, победы над венграми в локальной, пограничной войне), вступивший в открытый союз с папским престолом и получивший из рук ватиканского легата венец короля Западной Руси, стал, по сути, истинным виновником последовавшего через столетие захвата исконно русских земель, Волыни и Галича польским королем Казимиром. В качестве «холопов» европейцы были готовы нас лицеизреть, но уж никак не равноправными союзниками. И трудно оттого спорить с такими «зубрами» евразийства, как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев. Да, наверное, и не надо спорить ради самого спора, уж очень рациональное зерно заложено в их утверждениях и выкладках. И то, что современная Россия никогда не рвалась в Европу и не искала участия и членства в ее институтах, лишний раз доказывает, что Россия не Европа абсолютно. И о том, что во всем равняться на Европу не стоит, красноречиво свидетельствует сегодняшняя ситуация в странах Запада, где торжество либеральной идеологии привело к катастрофически уродливому искажению общественной морали и гуманитарных ценностей. У нас своя, русская дорога, отнюдь не означающая безапелляционное отрицание добрососедства с Европой, пренебрежения и неуважения к Старому Свету. И потом, на определенных участках дороги вполне могут совпадать либо идти параллельно, это же не означает полного их отождествления. У нас есть и второй компонент, азиатский, и наша прямая обязанность учитывать его влияние и никогда о нем не забывать. А Россия, расположившаяся географически и исторически одной ногой в Азии, а другой в Европе, может и должна стать объединяющим звеном двух великих континентов, их народов, экономик и культур. И в этой связи не стоит отрицать термин «евразийство» или даже его опасаться.

Ну, хорошо, а что же наша действительно родная, искренне почитаемая, прекрасная Белоруссия? Каково ее отношение к европейской цивилизации? Входит она в ее орбиту или?.. Короче говоря, Белоруссия — это Европа или нет? С географической точки зрения, казалось бы, все проще простого — страна, целиком расположенная в восточной Европе, не европейской быть не может. Но не зря же Л. Н. Гумилев ярко и убедительно доказал, что география без истории, равно как и последняя без географии, рассматриваться не могут. И лишь совместное применение этих наук дает наиболее верную событийную картину прошлого, из коего настоящее и проистекло. И тем не менее, скажут многие и многие, нечего тут огород городить. В Древней Руси, точнее в XI веке, на территории союзного государства располагались Турово-Пинское, Полоцкое и зависимые от него Минское и Городенское княжества, затем территорию Белоруссии поглотило Великое княжество Литовское, позже, после брака литовского князя Ягайло с королевой Ядвигой, объединившееся с Польшей в Речь Посполитую. Ну, а вследом, через столетия, разделы королевства и отход земель Белорусских под скипетр русских государей. Круг вроде бы замкнулся, но ведь белорусский этнос в российском суперэтнотане сохранил свою самобытность и присущие только ему черты. А в средние века была очевидна, в силу принадлежности к католической державе, и культурная ориентация на Запад, а отнюдь не на Россию. Понятно, что в пограничных областях этнокультурный контакт не прерывался, тем паче, что и Смоленская земля, и Верховские княжества некоторое время принадлежали Великому княжеству Литовскому. И вот тут сама собой напрашивается промежуточная тема, а является ли Европой Литва? Доказав или опровергнув эту, с позволения сказать, лемму, наверное можно будет с большей вероятностью правильно ответить и на волнующий нас основной вопрос.

Обратимся к мнению Л. Н. Гумилева: «В Восточной Европе пассионарный толчок (IX века — прим. В. Т.) поднял к исторической жизни два этноса: литовцев и великороссов... На старте они были в разных положениях. Древние балты находились в состоянии гомеостаза. Они, как североамериканские индейцы, мужественно защищались от колонизаторов, часто побеждали рыцарей, но победить организованную этносоциальную систему не могли. Их ждала участь пруссов и полабских славян, если бы в их среде не появились люди, способные на сверхнапряжение, подобные Гедмину, Кейстуту, Витовту, Ольгерду. Первым из людей нового склада был Миндовг, ровесник Александра Невского... Гедмин, Ольгерд и Витовт стали господами бывшей Киевской Руси, за исключением Галиции, которой овладели поляки. Если бы литовцы сумели слиться с покоренным большинством культурного населения своего государства, то они стали бы великой державой. Но этому помешал сладкий соблазн — католическая Польша, уже вобравшая в себя изрядную долю европейской цивилизации. «Нет на свете царицы краше польской девицы», — писал Мицкевич. Литовские витязи не устояли против очарования развитой культуры, уже достигшей эпохи Возрождения, — и половина Литвы втянулась в западноевропейский этнос» (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 371). Так, вроде бы понятно, осталась выяснить, куда делась другая «половина» Литвы, но сие — побочный интерес, главное, что слияния литовцев и покоренных народов, а значит и белорусов, не произошло. В свою очередь «Великороссия обновилась за счет христианских монголов и крещеных литовцев» (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 370). Вот она, другая половина, не в буквальном, конечно, смысле, однако существенная количественно. Итак, окатоличенная Литва вошла в состав Европы, и политически, и этнокультурно. И так, окатоличенная Литва вошла в состав Европы, и политически, и этнокультурно. А представители литовского этноса, не желавшие такого исхода, приняли руку Москвы и влились в ряды великороссов. Белоруссия же не смешалась ни с кем, сохраняя кровное родственное отношение с великороссами посредством отношения к древнерусскому этносу. Белорусы и сами остались древним этносом. «Древним этносом можно и следует называть тот, который избег обновления, как бы оно ни шло, будь это пассионарный толчок, или импорт пассионарности от соседей, или метисация, при которой неизбежно теряются некоторые живые традиции... «чистым» древнерусским племенем остались белорусы. Их не затронули ни ордынские чамбулы (отряды, совершавшие набеги), ни малочисленные литовцы, подарившие своих потомков Москве и Варшаве, ни немецкие рыцари, отбитые при Грюнвальде в 1410 г. Белоруссия дождалась, как древнерусский заповедник, до своей мемориальной фазы, и как таковую ее описал образованный белорусский писатель XX в. Верить ему можно, хотя он говорит от лица персонажа: «и все же неприкаянный мы народ... Этот позорный торг родиной на протяжении семи столетий! Поначалу продали Литве, потом, едва народ успел ассимилировать ее, полякам, всем, кому не лень... Несчастливая Белорусь! Добрый, покладистый, снисходительный, романтический народ в руках такой погани (иляхты. — Л. Г.)... Отдает чужакам своих лучших сынов, лучших поэтов, нарекает чужаками детей своих, пророков своих, как будто очень богат. Отдает на добычу своих героев. А сам сидит в клетке над миской с бульбой да брюквой и хлопает глазами» (В. Короткевич. «Дикая охота короля Стаха». Минск, 1984. Стр. 412—413). Автор жалеет свой народ. И не зря!» (Л. Н. Гумилев. «Древняя Русь и Великая Степь». Москва. 1992. Стр. 370—371). Необходимо уточнить, что действие упомянутой повести классика белорусской литературы Владимира Короткевича происходит в 1888 году, и приведенную в повести характеристику белорусского народа следует к этому же времени и относить. И эта цитата еще одно свидетельство не слияния белорусов с литовцами — католиками, не вхождения Белоруссии в западноевропейскую цивилизацию. Но отчего же столь тра-

гичная интонация сквозит в словах о «позорном торге родиной на протяжении столетий»? Да оттого, что, оказавшись между двух суперэтносов, между двух этносоциальных и этнокультурных систем, белорусам, на персональном прежде всего уровне, волей-неволей, а приходилось делать выбор, к какой из них примкнуть?

«Белорусская классическая литература конца XVI — XVII веков является частью общеевропейского историко-культурного процесса, который в современном литературоведении принято называть эпохой Барокко. Вместе с общими, доминантными для эпохи явлениями, в ней присутствует и национальный элемент, диктующий специфику эпохи Барокко в каждом отдельном государстве, отдельном народе, нации. Наша литература этого времени не была замкнутой. В ее рамках расцветал художественный талант украинца Мелетия Смотрицкого, поляков Мацея Стрыйковского и Мацея Казимира Сарбевского, испанца Педро Руиза де Морос (Петра Роизия), француза Петра Статориуса (Стоенского), немца Иоганна Мюлиуса (Яна Мылия). Белорусы, жившие в этот, по существу, бунташный век, были поставлены перед колоссальной проблемой выбора: выбора нового короля новой династии, выбора вероисповедания как определяющей составляющей духовной культуры; в конце концов, выбора государства-корпорации, в которой предвиделось сосуществование наших предков с другими народами-соседами в едином государстве. Социальным, культурным, духовным потрясением для белорусов стали сразу две унии: государственная Люблинская уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. Они предопределили появление нового типа белоруса — белоруса-двойника, стоящего опять же перед эпохальными выборами уже на микроуровне. Двойничество становится для белорусов национальной чертой; в результате появляется двойник в жизни, двойник в творчестве, двойник в литературе... Пути понимания культурных приоритетов Востока и Запада, а также конфессиональных ценностей православия, католицизма, реформационных направлений создали невиданную дисгармонию в обществе. Зачастую отцы и дети — это не только разные поколения, это, прежде всего, по-разному ориентированные представители национальных элит: магнатской, шляхетской, среднесословной (к последней относились выходцы из разных социальных слоев)... Смена религиозных убеждений в пользу западноевропейской историософии привела Мелетия Смотрицкого к отступничеству от православия в конце жизни. Такой беспрецедентный поступок православного иерарха, архиепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского вызвал бурю возмущения со стороны его современников, а в дальнейшем стал поводом для самых различных толкований причин его измены. Западничество в то время воспринималось прежде всего как враждебный православию католицизм, поскольку православие XVI — начала XVII века в католической системе ценностей отождествлялось с необразованностью и некультурностью... Наряду с западническими тенденциями белорусской истории и культуры в эпоху Барокко не менее живучими были и восточные ориентации, обращенные прежде всего к Москве как к новому центру вселенского православия. Объединенная в одном роду царская власть в лице Михаила Романова и патриаршая власть в лице его отца Филарета Романова являла собой идеализированный образ так называемого общерусского православия. Православные деятели культуры стали видеть в Москве и защитника православного Отечества, и гаранта традиционной православной культуры. Отражение этих взглядов мы находим в деятельности и творчестве Симеона Полоцкого, наиболее яркого представителя уже белорусско-русского литературного Барокко. Он стал первым профессиональным писателем Московского государства, который не только привнес в его духовную жизнь элементы западной культуры в ее белорусской адаптации, но также основал новорусскую культуру конца XVII века, породившую феномен Петра I и его западнические преобразования. Симеон Полоц-

кий обогатил русскую духовную культуру новыми темами и сюжетами, расширив тем самым кругозор русского общества. Русская национальная элита смирилась с необходимостью тесных контактов с Западом и, в первую очередь, с западной наукой... Был ли белорусский вариант развития культуры, литературы под патронажем национально ориентированных правящих сословий нашего государства? Поскольку необходимость избрания, провозглашения национального короля или царя не была осмыслена ни исторически, ни политически, ни государственно, белорусская национальная элита нашла свой особый путь. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Руцкий и Полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий разработали концепцию, которую можно условно назвать «Киев — второй Константинополь», согласно которой предполагалось перенесение патриаршей столицы из Константинополя в Киев с сохранением титула Константинопольского патриарха. Но эта идея, как и большинство разноориентированных идей, не была осуществлена в нашем государстве. Постепенно православные белорусские диоцезии переходят под юрисдикцию Московского патриархата, в результате чего была утрачена и сама идея независимой национальной церкви. Просветительская деятельность белорусских писателей эпохи Барокко не была однородной, однообразной в сфере как социального, политического, так и культурного строительства. Национальный элемент еще слабо проявлялся как организующее начало, но, вместе с тем, государственный патриотизм, конфессиональные поиски, борьба самых разных идей способствовали будущему самоопределению белорусов в европейском сообществе» («Белорусские просветители эпохи барокко», Короткий В. Г., Белорусский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент).

Я намеренно столь обильно процитировал статью белорусского ученого, ибо просто необходимо знать мнение наших коллег о рассматриваемой проблеме. Конечно, проблема выбора стояла очень остро. И если «Речь Иоанна Полоцкого» (X век), «Житие преподобной Ефросиньи Полоцкой» (конец XII века), «Слова» и поучения Кирилла Туровского (XII век) являются памятниками общей древнерусской литературы, то достаточно вспомнить, что великий белорусский просветитель и первопечатник Франциск Скорина, полочанин по рождению, учился в Краковском университете, защищался в Падуе, а трудился в Праге и Кенигсберге. Москва же его не приняла, посчитав его католиком, а значит врагом, и книги Скорины были сожжены. То есть на тот момент никто не воспринял ученого как представителя братского народа, он пришел с Запада, из Европы, и никаких контактов с ним иметь на Руси не захотели. Что же, и такое нередко случалось, особенно в те времена, когда религия была, по выражению Л. Н. Гумилева, одновременно и во многом государственной идеологией. Значит слияния белорусов не происходило ни с великороссами, ни с Западом, с поляками в частности. Да, были контакты с обеими сторонами, движения в сторону униатской церкви или в сторону православия, что безусловно влияло на формирование культурной атмосферы и традиций, однако определяющим в полной мере не оказывалось ни одно влияние извне. Ситуация оставалась похожей и в следующие века. Однако народ белорусский упорно хранил самобытность своего языка и своей литературной традиции, восходящей к общей для трех братских славянских народов эпохе Киевской Руси.

Первая национальная комедия на белорусском языке К. Марашевского, первая белорусская опера и в целом литературная деятельность Винцента Дунина-Марцинкевича, поэтическое творчество ориентированного на Россию Константина Вереницына Викентия Ровинского, участника наполеоновских войн, офицера русской армии, тончайший лиризм поэта-крестьянина Павлюка Багрима, сданного в солдаты за сочиненное крамольным стихотворение и нашедшего вечное упокоение на римско-

католическом кладбище в агрогодке Крошин, поэзия Яна Барщевского, одного из основателей новой белорусской литературы, выпускника Полоцкого иезуитского коллегиума, испытавшего огромное влияние поэзии Адама Мицкевича, непростая жизнь однокашника Мицкевича Яна Чечота и участника польского восстания 1830—1831 гг. Александра Рыпинского, снискавших себе творческую известность прежде всего в Литве и Польше, Владислав Сырокомля... Согласитесь, весьма пестрая картина получается, и в литературном плане, и в биографическом. В этом нет ничего удивительного и тем более зазорного, процесс самоидентификации мучителен, архисложен и долог. Уж больно велика цена окончательного выбора, который предстоит сделать. И вот время идет, а ситуация остается прежней. И основоположник критического реализма в белорусской литературе Франциск Богушевич сражается в отряде Людвиг Нарбута во время очередного Польского восстания 1863—1864 г.г., а позже два своих поэтических сборника издает в Австро-Венгрии. *«А по свидетельству Ф. Оскерки, который являлся «близким соседом и знакомым» Богушевича, последний — «горячий патриот-поляк, который в личных и достаточно частых... беседах утверждал, что единственной причиной, которая побуждала его и его предшественников писать на том говоре [т. е. по-белорусски], было опасение возможной русификации тамошнего люда» (Википедия).* А вот Адам Гуринович и Ян Лучина учатся в Петербурге и активно, в частности, переводят стихи русских поэтов.

И все-таки к началу прошлого столетия белорусская литература, на мой взгляд, уже не только сформировавшаяся как культурный процесс, но ставшая полноправным культурным явлением в мировой литературе, вполне естественно и логично, в том числе и в соответствии с течением политической истории, все больше и больше «контактирует» с русской, а затем советской литературой, яркой и значительной частью которой белорусская литература и становится с установлением Советской власти на территории Белоруссии и с образованием, впоследствии, Союза писателей СССР. Да, стремление к национальной независимости, наверное, всегда было доминирующим в позиции передовых представителей белорусского народа. Но вот понималась и трактовалась эта идея очень и очень неоднозначно. У одних, например, белорусских литераторов «нашенивского круга» (по названию выходившей в Вильно в 1906—1915 г.г. газеты «Наша Нива» на белорусском языке) стремление к независимости отождествлялось с сохранением национальной самобытности, этнокультурной традиции, белорусской словесности, не зря же в первом по сути национальном сообществе писателей объединились поистине создатели современной белорусской литературы: Максим Богданович, Сергей Полуян, Змитрок Бядуля, Максим Горецкий, Ядвигин Ш., Янка Купала, Якуб Колас, Алесь Гарун, Янка Журба, Андрей Зязюля. Едва ли они были меньшими патриотами своей Родины, нежели политические деятели, провозгласившие 25 марта 1918 г. Белорусскую Народную Республику, так толком и не признанную на международной арене. Да и сложно было бы рассчитывать на оное признание, более того — попросту утопично. Ведь никакого контроля над территориями, якобы вошедшими в состав БНР, у так называемого правительства БНР не имелось и быть не могло: Брестский мир, отдавший подавляющую часть белорусских этнических земель под контроль Германии, затем денонсация этого жуткого «мира» и вступление в Минск частей РККА, затем советско-польская война и в столице Белоруссии уже Войско Польское, затем опять смена власти... Все надежды политиков националистического толка воспользоваться то поддержкой Германии, то Польши для установления Белорусской государственности оказались напрасными. Усилия В. Ластовского, А. Цвикевича, И. Середы, Я. Лесика, И. Воронко и других не имели никакого успеха, Слуцкое восстание под руководством П. Жаврида очень быстро захлебнулось и было подавлено, сопротивление Зеленой армии также со време-

нем сошло на нет. Европа попросту не захотела «увидеть» Белорусскую Народную Республику, европейские политики о такой и слыхом не слыхивали. Даже если допустить гипотетическое существование БНР, то она неминуемо подверглась бы аннексии со стороны той же Польши, ибо Ю. Пилсудский и его «команда» не стали бы даже в мыслях терпеть у себя «под боком» каких-то «схизматиков и хлопов». Великодержавное шляхетное сознание такого не позволило бы. Вот вам и отношение Европы к Белоруссии в начале XX века. И несостоятельность надежд и чаяний определенной части белорусского общества на мифическую независимость и государственность. Никаких предпосылок, ни политических, ни военных, ни экономических для этого не имелось. И не зря в 1925 году часть членов Рады БНР во главе с А. Цвикевичем передала свои полномочия правительству БССР и признала Минск единственным культурным и политическим центром, на который должно ориентироваться белорусское движение за рубежом. Конечно, правительство БНР в эмиграции существует и сегодня, но и только. И что вообще оно значит? (И опять-таки нельзя не упомянуть возмутительную и лживую характеристику Российской империи, данную В. И. Лениным, дескать, «тюрьма народов» и ничего более. Нет, господа большевики, ничего подобного в царской России не наблюдалось. Да, вместо национальных образований существовали лишь губернии, однако же метрополия никогда не посягала на национальную самобытность, не уничтожала этнокультурную традицию, не отменяла белорусский язык, а равно и никакие иные, прочих народов, подданных империи).

Поэтому не политическая независимость была доминантой для белорусского народа, а сохранение и преумножение национальных традиций. И такую важнейшую миссию взяли на себя именно деятели белорусской культуры, в частности прекрасные, талантливые, самобытные литераторы. Путь их был нелегок, тернист и даже кровав. Потери белорусского «литературного генофонда» в тридцатые годы можно назвать катастрофическими. Репрессии в связи с делом «Союза освобождения Белоруссии» и с прочими «делами» унесли жизни Владислава Голубка, Максима Горечкого, Михася Зарецкого, Кузьмы Чорного, Михася Чарота, Алеся Дудара, Тодора Кляшторного, Валерия Морякова и многих, многих, многих. В «черную» для белорусской литературы ночь с 29 на 30 октября 1937 года были расстреляны 23 молодых поэта. Как тут не вспомнить Давида Самойлова, сказавшего, хоть и по иному поводу, с неприкрытой болью:

*Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом.
И леса нет, одни деревья...*

Однако же белорусская литература выстояла и не погибла. Примечательно, что в Западной Белоруссии, то есть на территории Польши в 20-х—30-х годах, жили, боролись и творили будущие классики белорусской литературы как Михась Машара, Пилип Пестрак, Валентин Тавлак, Казимир Сваяк, Максим Танк. Можно сколь угодно много рассуждать об их политических пристрастиях и убеждениях. Но показательное другое — эти литераторы не ощущали себя свободными на территории европейского государства! Конечно, Польшу тех лет назвать демократической никак нельзя, но то, что она была частью европейской политической и этнокультурной системы, очевидно. А вот самодостаточным белорусам в ней места не было, это факт. И вместе с тем в СССР, несмотря на все трагические события истории XX века, на террор тридцатых и жуткие, бесчеловечные, зверства фашистских оккупантов, а национальная литература, белорусские поэты и писатели, не могли не оказаться в передовом отряде бес-

пощадной борьбы с нацистской Германией, Белоруссия и ее героический народ сумели выстоять и продолжить дело национального развития.

Процесс этот и в послевоенные годы был сложным и, безусловно, неоднозначным, «руководящая и направляющая» роль КПСС стальным обручем сковывала общественную жизнь всей Страны Советов, от Бреста до Владивостока, от Мурманска до Кушки. И тот, например, факт, что между двумя торжественными парадами белорусских партизан в Минске (в 1944-м и в 1974-м) прошло тридцать лет, у меня, например, вызывает искреннее удивление и возмущение, героизм и самоотверженность подпольщиков и партизан братской республики, народные, являющиеся глубоко национальными чертами, самоотверженность и стойкость, сегодня, возможно как никогда прежде, достойны преклонения и почитания. Но, возвращаясь к событиям Великой Отечественной войны, нельзя не упомянуть вот о чем: пагубно и бессмысленно ждать освобождения от одной «тирании» посредством какой-либо иной, еще более изуверской и бесчеловечной, и в этой связи не имеет оправдания никакой коллаборационизм, ни малейшее добровольное и сознательное сотрудничество с оккупантами своей Родины, поэтому и не заслуживают ничего кроме осуждения и презрения ни Русская освободительная армия, ни Белорусская краевая оборона или небезызвестный «Черный кот». Можно и, думаю, нужно, с точки зрения общечеловеческой, попытаться осмыслить личные трагедии некоторых людей, искренне «заплутавших» в своих оценках и поступках, да и то, ежели они не связаны с участием в преступлениях против человечности. Отчизна, она навсегда одна, и какой бы она тебе не казалась, нельзя ее огульно хаять и, более того, открыто ей вредить. Сложно поэтому понять таких «деятелей», как Наталья Арсеньева, Алесь Салавей и, кстати, Светлана Алексиевич, чей пример только подтверждает мое давнее и устоявшееся убеждение в том, что Нобелевскую премию по литературе следует раз и навсегда упразднить. А возвращаясь к основной теме, можно лишь констатировать, что белорусская литература, как ни странно, и благодаря, и вопреки всему происходящему в послевоенном СССР, стала мощнейшим этнокультурным явлением, обогатив как советскую, так и мировую литературу шедевральными произведениями, отличающимися пронзительной искренностью, истинным гуманизмом, чудесным национальным колоритом и удивительным, живым, певучим языком. Имена таких разных и непохожих друг на друга авторов: Янка Брыль, Иван Мележа, Иван Шамякин, Алексей Пысин, Аркадий Кулешов, Василь Быков, уже упоминавшийся Владимир Короткевич, Андрей Макаенок, Иван Пташников, Алесь Адамович, Павел Прудников навсегда заняли свое особое место в советской и мировой литературе. Я намеренно столь подробно перечисляю здесь персоналии, ибо считаю, что определения «когорты» или «плеяды» не вполне применимы к творческим личностям, остающимся даже внутри одного течения вполне самостоятельными и довольно отличными друг от друга величинами. И в новейшем времени, на рубеже тысячелетий, и уже в XXI веке белорусская литература ничуть не обеднела талантами, радуя читателей новыми своими произведениями, явив миру молодых, интересных авторов. Вот здесь я намеренно не стану никого выделять, дабы избежать aberrации близости, заметив лишь, что белорусские проза и поэзия выпускаются у нас в стране самыми крупными и успешными издательствами. Испытывала ли белорусская литература «кризисы жанра»? Наверняка испытывала, и еще не раз испытает. Творческие процессы и явления так же, как и остальные, могут иметь разрывы, начала и концы, провалы и взлеты. Страховок от этих «экстремумов» нет, да и нужды в них не имеется никакой. Жив литературный, народный белорусский язык, жива и развивается его самобытная и очаровательная культура, а следовательно, живы и будут жить народ, и страна Белоруссия.

Ну, хорошо, вот вроде бы и все сказал, а к чему, собственно, «приехал»? Все-таки

Белоруссия — Европа или нет? Отвечаю прямо: в литературном и этнокультурном аспекте нет, и не вижу ничего в том страшного или «крамольного». Зря что ли я время тратил на вышеизложенное? Ну, не получается этого никак. Явившись изначально частью древнерусского этноса и сохранив свою этническую «чистоту» на протяжении столетий, белорусы никогда не были «интересны» Западу, а под Западом, повторюсь, следует понимать именно католическую и протестантскую, ныне насквозь либеральную Европу. Если же оперировать понятием «комплиментарности», а это, по Л. Н. Гумилеву, врожденная безотчетная симпатия или антипатия одного этноса к другому, то комплиментарность романо-германцев к белоруссам оказалась вообще нулевой. Не положительной, не отрицательной, западноевропейцы просто не видели, а точнее, не хотели видеть такой этнос. Да, Белоруссия интересовала и интересует соседнюю Польшу, а сегодня и весь Евросоюз, и Соединенные Штаты, в качестве территории, граничащей с Россией, в качестве потенциальной сферы негативного воздействия на наше страну в случае создания на территории союзного государства политической и социальной напряженности. Но и только. Ни культурные традиции белорусов, ни их морально-нравственные ценности никого на Западе не интересуют. И никогда не интересовали. Останься Белоруссия под властью панской Польши до сего времени, еще неизвестно, что вообще осталось бы от Белоруссии как таковой (уж простите за каламбурную фразу, сама собой сложилась). Да, этнокультурный контакт несомненно имел место, но со стороны Запада он носил практически насильственный характер и целью его было насаждение европейских «ценностей» и лишение белорусского народа самобытности, полное стирание этнических признаков. Униатскую церковь только за этим и «придумали». И «свободные атомы», волею жизненных ли обстоятельств или собственным желанием втянутые в западную цивилизацию, ничего не определяли, оставаясь всегда в меньшинстве. Сие — данность, хотим мы или нет. И весь белорусский культурогенез это лишь подтверждает.

Несомненно, образование союзного государства России и Белоруссии немало крови попортило западноевропейским политикам, долгое время во всеуслышание заявлявшим о том, что в Белоруссии царит диктатура и тоталитаризм, а сегодня, когда подобная фразеология потеряла свою актуальность, делающим попытки «приглашения к танцу» политическому руководству вдруг «открытой» ими страны. Побудительные причины такой смены настроений вполне понятны, ибо у Белоруссии своя, особая роль и особое место в мировом политическом процессе, опять-таки эта извечная близость к России... Но я сейчас об ином. Географически союзное нам государство расположено на территории материка, именуемого Европа, следовательно, и страна европейская. Только следует понимать, что страна эта никогда не была втянута в орбиту европейской цивилизации и не принимала западных ценностей. Тут ведь нужно понимать, что даже расположенные в восточной части Европы государства, то есть Польша, Венгрия, Чехия, Румыния, а также все страны Балтии, на деле всегда стремились и продолжают стремиться в объятия западноевропейского мира. Им такое не в новинку, они всегда находились если не внутри, то в шаге от него. И поэтому с любой точки зрения термин Восточная Европа также лишь географически значим. И никак более. Вспомним, что творили на территории рухнувшей Российской империи во время Гражданской войны те же латышские стрелки-палачи и каратели ВЧК, эстонские наемники, чешский корпус, намеренно и совершенно необоснованно именуемый в советской историографии «белочешским», а на деле одной лишь блокадой Транссибирской магистрали обеспечивший красным победу над героической и многострадальной армией адмирала Колчака и имеющий прямое отношение к исчезновению части золотого запаса императорской России, как «отличались» венгерские революционные деятели, и не только известные всем подлый царевубийца

Имре Надь и кровавый Бела Кун, а множество лихих рубак, прирожденных кавалеристов, беспощадных к врагам революции «чоновцев». А ведь это была абсолютно не их война, они в массе стремились попросту набить карманы награбленными ценностями и жалованием за издевательства над ни в чем не повинными людьми, за пытки и расстрелы в основном мирных граждан, чтобы потом благополучно убыть восвояси. И пусть некоторые нации именовались и продолжают именоваться по крови славянскими, ничего подобного на деле у них не осталось. Только некоторым образом схожая речь. И как-то не верится, что Белоруссия близка этим «европейцам», не говоря уже о «закоренелых» в своем неприятии славянского мира англичанам, немцам, французам и всем иже с ними остальным. Белорусская, как и русская, культурная традиция устояла перед натиском Запада. С исторической объективностью спорить бесполезно. Были, есть и будут три братских народа: русские, белорусы и украинцы, а вся политиканская шелуха преходяща, розыгрыш националистической карты всегда ведет к полному краху и несостоятельности, ибо жить в постоянной ненависти, без друзей и братьев, невозможно ни отдельным людям, ни целым народам. Это путь самоуничтожения. И то, что Белоруссии такой путь чужд и неприемлем, очевидно, как очевидно и неоспоримо этнокультурное родство и братство наших народов. В данной статье рассматривался подробно литературный аспект, а если взять культуру в целом? Это же вселенная! И говорить о ней можно бесконечно. Белоруссия расположена на границе суперэтнического контакта, ее роль поэтому особенная и важная. Она, несомненно, суверенная и самобытная, но вместе с тем искренне союзная России,— во всех смыслах форпост восточнославянского единства, служащая для своих западных и не всегда лояльных соседей примером истинного симбиоза братских народов, какие бы проблемы порой не возникали в их отношениях.

*Владимир Трусов,
член Союза писателей России,
г. Мончегорск, Мурманская область.*

К ДИСКУССИИ «РОССИЯ НЕ ЕВРОПА. А БЕЛОРУССИЯ?»

Не знаю кому как, а для меня эта фраза звучит несколько некорректно. Поскольку никогда не разделял и не представлял отдельно Россию и Белоруссию. Ведь Украина, Беларусь и Литва — все это Россия, по большому счету. Это для тех, кто хочет забыть неоспоримые факты истории.

Все-таки речь идет о Европе как о географическом объекте или как о сообществе людей? «Россия не Европа...» — понимаю, что в этой фразе заключается не понятие о географическом местоположении нашего государства, ведь любой школьник старшего, да и среднего возраста скажет, что часть России находится на европейском континенте. Тогда о чем речь?

Устремления России в XVIII и в XIX веках были направлены на повсеместное подражание успехам европейского развития и копирование научных, промышленных, культурных достижений Европы. И довольно основательно это делалось, потому что, действительно, было чему поучиться.

Но вот закончился бурный XX век и теперь перед нами уже не та Европа, какой она была во времена Рабле, Вольтера, Ньютона, Гюго, Бальзака. В странах континента развиваются нечеловеческие принципы: расцвет однополых браков, падение морали и духа. Вследствие этого наблюдается кризис и деградация культурного развития. Перед нами — общество потребления.

Теперь-то становится понятно — почему Россия не Европа. Всплывают в памяти высказывания русского поэта Сергея Есенина о Европе и вообще о Западе, и хотя они почти столетней давности, но не потеряли до сих пор своей актуальности: *«Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненужностью в аренду под смердяковщину»*. Сравнивая увиденное им на Западе с тем, что он оставил в России, поэт восклицает: *«Жизнь не здесь, а у нас»*.

«Души тут ни у кого нет, а вся жизнь в услужении у доллара» — это уже слова знаменитого русского баса Федора Шаляпина из письма писателю Максиму Горькому, и сказаны они им за пятнадцать лет до посещения Европы Сергеем Есениным. Думаю, что это не совпадение, а истина, увиденная русскими знаменитостями сто лет тому назад.

«Западная Европа, как мы видели, все-таки дама легкомысленная. Беда прошла — и ладно. Хотя еще голодно, хотя разрушения, принесенные войной, пока что кое-как стыдливо окружены заборами, заклеенными афишами, там все-таки мало вспоминают о том, что всего восемь месяцев назад по улицам поработанных столиц шагали германские солдаты, свирепствовали филиалы гестапо, а лучшие сыны этих стран дрались в подполье, с надеждой наблюдая за гигантским единоборством, которое вела Красная Армия с главными силами их врага» — это уже год 1946, книга советского писателя Бориса Полевого «В конце концов».

Нынешняя Россия, хотя и находится в поиске идеи национальной ценности, но основывает свои действия на понятиях мира, справедливости, единства, нравственности, достоинства, честности, патриотизма, солидарности, семьи, культуры, национальных традиций, трудолюбия, веры. Нет никаких сомнений, что в Белоруссии национальная идея основывается на таких же принципах. Убедительно звучали слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла еще пять лет назад в выступлении на XV Всемирном Русском народном Соборе: *«Убежден, что ценности нашей цивилизации хранятся в среде всех народов — наследников исторической Руси: украинского, белорусского, молдавского и многих других. Русская Православная Церковь внесла и продолжает вносить свой вклад в сохранение исторически сложившегося единства этих народов, в их взаимопомощь и соработничество. У нас общий духовный корень, общие идеалы, общие цели — глубоко убежден, и общая система фундаментальных ценностей, а потому, конечно, общее будущее»*.

А что касается общего прошлого? Белоруссия... Географическое положение очень точно было определено ученым XIX века С. В. Максимовым — русским путешественником, исследователем-этнографом, знатоком русского быта. В очерках о Белоруссии «Обитель и житель» дается точное ее местоположение: *«На север от Киева географическая карта представляет обширную область верхнего Днепра с двумя огромными, двумя большими и тремя меньшими притоками, которые, в свою очередь, разветвляясь на наименьшие реки и речки, представляют громадную площадь, всю роскошно испещренную текучими водами. Эта площадь — Белоруссия, занявшая третью по величине в целой Европе речную область Днепра»*.

Далее ученый закрепляет своими выводами родство русских и белорусов, основывая свои выводы на сходстве топонимических названий: *«...народ, шедший с юга и населявший обширную равнину речной области Днепра, приурочивал названия и имена жилым оседлым пунктам — деревням и селам — в зависимости от коренного и неудержимого движения на север. Вследствие этого обстоятельства неизбежно оказались селения с названиями Заозерьев, Заречьев, Загорьев, Заболотьев, Замостьев, Залесьев, Запольев, Забузьев и т.п. и в белорусской стране, как и в великорус-*

ской, только потому, что очутились на севере от тех, которые раньше поселились на юге». В нынешней России на левой стороне озера Селигер сплошь и рядом встречаются подобные названия: Заплавье, Задубье и т.п.

А свое прозвание «белорус» получили жители западной части Руси Белой, название которой дал при получении своей политической независимости московский царь Иван Васильевич — Иван Грозный.

Вот и не разделить народы России и Белоруссии, потому что все мы — потомки полочан, кривичей, радимичей, вятичей и дреговичей. *«Нам лично десятки раз приходилось на месте встречать (среди белорусов, авт.) известную долю обидчивости, в которой довольно ясно чувствовалось желание быть и казаться прямо и без ограничения русскими. Словом, Белоруссии чужды намеренные стремления обособляться, казаться племенной особенностью и национальной исключительностью, хотя бы даже по приемам и убеждениям малороссов...»*, сделал такой вывод о белорусах в XIX веке русский этнограф С. В. Максимов.

К чему я так подробно провел исторический экскурс? Чтобы убедить читателя в отсутствии противоречий в быте, морали и убеждениях между славянскими народами, а именно, между русскими и белорусами. А нынешние события лишь показывают надуманность и преднамеренность внешних сил, цель у которых одна — разобщить наши народы. Потому что русский мир не ограничивается границами одной Российской Федерации.

Поэтому дальнейший мой рассказ о связях русских и белорусских литераторов. Русский язык остается могучим средством общения всех литератур постсоветского пространства. И потому русский язык — главное, чем руководствовалась редколлегия альманаха «Параллели», основанного Самарской региональной организацией Российского союза профессиональных литераторов.

Страницы альманаха открылись для авторов, пишущих на русском языке. И не только для российских литераторов была представлена возможность публиковать свои произведения в альманахе, но и для поэтов и писателей из Беларуси, Болгарии, Австралии, Израиля, США, Франции, Финляндии. И главное, что роднит авторов самарского альманаха, у всех есть одно общее — вдохновение. И понимание истинных ценностей жизни, которые реализуются и в стихах, и в прозе на «алмазном языке», по определению писателя К. Г. Паустовского. Уместно сейчас, в контексте темы дискуссии, вспомнить и другие его слова: *«Тот народ, который создал такой язык, — поистине великий и счастливый народ»*.

Вот уже на протяжении трех лет редакция альманаха организует литературно-публицистические конкурсы. В них принимают активное участие белорусские литераторы. И довольно успешно. Для того, чтобы показать некую картину поэтического материала, с которым участвуют белорусские поэты в самарских конкурсах, я хочу остановиться на стихах Василия Миронова. Думаю, что поэзия литератора из города Бобруйска заслуживает обнародования и читательского интереса. И что самое главное — она соответствует принципам национальной идеи русского и белорусского народов.

В литературном конкурсе «Средь моря зла есть вещей островок» в номинации «Русская поэзия» в 2014 году было представлено около двух сотен стихотворений, но жюри оценило и поставило наивысшие баллы стихотворению Василия Миронова «Красная рубаха».

Уже с первых строк стихотворения проникаешься миром красоты истинной, кондовой Руси. И чувствуешь волнение, с которым поэт говорит о бесконечных хлебных полях, слышишь пение жаворонка. Идиллическая картина уводит нас от действительности в безмятежность сельской жизни, на душе покойно и светло.

*Русские Марьюшки в пышные косы
Русого цвета пшеничных зарниц,
Ножкой ступая босою по росам,
Маки вплетали под пение птиц.*

Автор не дает нам насладиться красотами земли русской, полями в росных алмазах, мирное существование вселяет тревогу. И вот мы уже понимаем, что неспроста вплетаются красные маки в косы русских женщин. И вынимают они припасенные красные рубахи из кованых сундуков, чтобы в них провожать мужей и любимых на войну. Наперекор страху и жалости, с пронзительной тоской в глазах, благословляли русские женщины своих мужей на ратный труд.

*И надевали Ванюшам рубахи
Красного цвета под белу кайму,
И целовали под женские страхи,
И провожали Ванюш на войну.*

В последней строке слышим мы чужеродное слово, и понимаем, какая боль и какие испытания ждут Ивана и Марью. Не счесть в истории Руси Иванов, не вернувшихся с ратных полей, Иванов, сложивших свои головы в битвах за свободу бескрайних просторов Руси, за васильковые глаза своих Марьюшек.

Но тревога и предчувствие беды продолжают и в наши дни, потому что не успокоились «серые тени в мышинных камзолах», не дают им покоя наши просторы, наши реки, богатства земли русской. Потому автор примеряет на себя беспокойное состояние нынешнего времени. Чувствует, что не успокоятся враги наши, завидуя бескрайнему простору земли русской.

*Марьюшки русские, светлые птахи,
Те, чей Иванушка пал на войне,
Вытрите слезы, сотките рубаху
Красного цвета размером по мне.*

Вот она, национальная идея — любовь к Родине и готовность защищать ее до своего последнего вздоха.

И как бы продолжая стихотворение «Красная рубаха», Василий Миронов представляет на суд жюри литературного конкурса уже 2015 года «Верен, Отчизна, тебе» произведение «Не герой», которое достойно оценено дипломом второй степени. И снова звучат волнующие строки, поэтически отражающие мир, и то, что безразлично автору.

Читая произведение, чувствуешь живую пульсацию стиха. Слова, рожденные в сердце, — этот трепет не перепутаешь с технически правильно выполненным, но «холодным» стихом. В стихотворении «Не герой» современный солдат из тех Иванов, но уже не в красной рубахе, а в потертом камуфляже, просит милостыню. Словно о каменный сфинкс споткнулся благостный взгляд автора. Перед ним безногий солдат, никак не вписывающийся в пейзаж курортного бульвара и пляжа.

*И вдруг я глазами споткнулся
Об этот потерянный взгляд.
Напротив, в седом камуфляже,
Как сфинкс, что не знает тревог,*

*В ста метрах от шумного пляжа
Застыла фигура без ног.*

Вместе с автором мы проникаемся болью и тревогой за молодого солдата, искалеченного в локальной войне нынешнего времени. Но ни «помятые рубли», ни картонная коробка не волнуют многих, весело отдыхающих людей. В наше общество проникает зараза бессердечия и равнодушия.

Но вот бичующие слова поэта, которым непременно следовало прозвучать! В них выражена ненависть и презрение, не только поэта Василия Миронова, а и многих честных людей.

*Эх, вы, толстокожие бонзы,
В тиши кабинетных столов
За дверью фамилий из бронзы
Вы взяткой спасали сынов.*

Хлестко звучат и финальные строки стихотворения, прибывая к позорному столбу всех тех, кто торгует совестью, не гнушаясь ничем, даже чужой жизнью, ради собственной наживы и покоя.

*Народец с воззрением черствым,
Когда-то вы взяли займы
У этого парня, что мертвым
Не смог возвратиться с войны.*

Вот такие у меня остались впечатления и чувства после прочтения стихов белорусского поэта Василия Миронова, члена Белорусского Литературного союза «Полоцкая ветвь», члена Международного союза писателей «Новый Современник», члена РСПЛ. После таких стихов хочется сказать: «Россия и Белоруссия не Европа!»

P.S. Через несколько дней, когда работа была закончена и написаны последние строки, случайно услышал информацию в новостях по радио «Вести FM» о том, что во Франции открывается новый ресторан. Но не простой — весь персонал, включая кухонных работников и официантов, будет обслуживать посетителей совершенно голым. Посетителям тоже предлагается вкушать некоторую органическую пищу в одеяниях Адама и Евы. Ведь только в таком виде можно будет острее почувствовать вкус даров природы и свою принадлежность к ней. Европа продолжает развиваться. Что дальше?

**Сергей Лебедев,
член Самарской региональной
организации РСПЛ,
член Тольяттинского отделения
Самарской организации СПР,
г. Тольятти.**